

Паломничество в страну Востока: Визит Стефана Андреса в СССР

© 2022 А.В. Добряшкина

Journey to the East: Stefan Andres' Visit to the USSR

© 2022 Anna V. Dobryashkina

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_67_98

Информация об авторе:

Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва. E-mail: annica@list.ru

Ключевые слова: Стефан (Штефан) Андрес, Генрих Бёлль, советско-германские контакты, литература ФРГ, СССР, Союз советских писателей, А. Корнейчук.

Аннотация: Визит немецкого писателя (ФРГ) Стефана Андреса в СССР в 1959 г. практически не освещен в исследовательской литературе. Статья основана на мемуарах Доротеи Андрес, документах РГАЛИ и опубликованном в советской прессе интервью с писателем. Стефан Андрес, который считался одним из самых популярных католических авторов Западной Германии, был приглашен на III Съезд Советских писателей (18-23.5.1959). Союз советских писателей был заинтересован в нем как представителе литературы ФРГ, Андрес, напротив, опасался официального визита в СССР: он старался сохранить имидж христианского писателя и предпочел совершить неофициальный визит по-

Information about the author:

Anna V. Dobryashkina, PhD. in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: annica@list.ru

Keywords: Stefan Andres, Heinrich Böll, Soviet-German literary contacts, literature of West Germany, the USSR, Writers' Union of the USSR (the Union of Soviet Writers), Alexander Korneychuk.

Abstract: The visit of a West German writer (FRG) Stefan Andres to the Soviet Union in 1959 is practically not covered in the research literature. The article is based on the memoirs of Dorothee Andres, RGALI documents and an interview with the writer published in the Soviet press. Stefan Andres, who was considered one of the most popular Catholic authors of West Germany, was invited to the III Congress of Soviet Writers (May 18-23, 1959). The Union of Soviet Writers was interested in him as a representative of the German literature, Andres, on the contrary, was afraid of an official visit to the USSR: he tried to maintain the image of a Christian writer and preferred to make an unofficial visit after the

сле Съезда. Андрес провел в Советском Союзе три недели, для него была составлена программа, включавшая достопримечательности столицы, посещение Загорска, Ленинграда, Петергофа. Особое впечатление на писателя произвела поездка по Армении и встреча в Киеве с Александром Корнейчуком. Согласно отчету сопровождавшей Андреса переводчицы, писателя, прежде всего, интересовала религиозная сторона советской жизни, состояние храмов, положение священнослужителей, количество прихожан и свобода вероисповедания. Из двух интервью, которые Андрес дал в первые дни своего пребывания в СССР, было напечатано только одно. Текст опубликованного интервью очень конвенционален, имеет обычный набор высказываний о первых впечатлениях, восхищении образованностью советских людей, готовности Запада к диалогу с советским государством. Союз советских писателей рассчитывал на помощь Андреса в установлении контакта между западногерманскими и советскими писателями, Андрес, в свою очередь, ожидал увидеть переводы своих книг на русский язык. Надежды каждой из сторон, однако, оказались неосуществимы. В Германии визит Андреса в СССР не получил освещения в прессе, и даже десятилетия спустя, при подготовке мемуаров Доротеи Андрес к изданию, подробное описание поездки в СССР не было включено составителями в книгу.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>
Автор выражает благодарность О.Ю. Пановой за содействие в подготовке публикации материалов Приложения.

Congress. Andres spent three weeks in the Soviet Union, a program was drawn up for him, which included the sights of the capital, visits to Zagorsk, Leningrad, Peterhof. The writer was especially impressed by the trip to Armenia and the meeting in Kyiv with Alexander Korneychuk. According to the report of the interpreter accompanying Andres, the writer was primarily interested in the religious side of Soviet life, the condition of churches, the position of clergy, the number of parishioners and freedom of religion. Of the two interviews that Andres gave during the first days of his stay in the USSR, only one was published. The text of the published interview is very conventional, it has the usual set of statements about the first impressions, admiration for the education of the Soviet people, and the West's readiness for dialogue with the Soviet state. The Union of Soviet Writers counted on Andres' help in establishing contacts between West German and Soviet writers, Andres, in turn, expected to see translations of his books into Russian. The expectations of each side, however, turned out to be unfulfilled. In Germany, Andres' visit to the USSR did not receive press coverage, and even decades later, when Dorothee Andres' memoirs were being prepared for publication, a detailed description of the trip to the USSR was not included by the compilers in the book.

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-18-00393 "Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century", <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>. The author expresses her gratitude to Olga Panova for her assistance in preparing the publication of the materials in the Addendum.

Принятые сокращения

CD – *Andres D.* «Carpe diem!» Mein Leben mit Stefan Andres. Bonn: Bouvier, 2009.

ВИ – Отчет гида-переводчика В. Ивановой о работе со Стефаном и Доротти Андрес во время их пребывания в Советском Союзе (11 сентября – 2 октября 1959 г.). РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3164.

Посещение Советского Союза в 1959 г. немецким писателем Стефаном (Штефаном) Андресом (1906–1970) как для советской, так и для германской общественности прошло незаметно, практически не оставив следа в истории литературы. Неофициальность визита была, однако, основным требованием Андреса к приглашающей стороне: один из самых известных авторов послевоенной Западной Германии опасался за свою репутацию. Союз советских писателей в полной мере сдержал обещание, и советский читатель так и не открыл для себя творчество Стефана Андреса. Более того, немецкий почитатель Гоголя и Достоевского, называвший русских писателей своими «литературными наставниками» (CD: 270), до сих пор известен в России только литературоведам. Кроме двух изданий на русском языке конца 1990-х гг. – романа «Незримая стена» (М.: Радуга, серия «Новое имя», 1995) и пяти самых известных новелл (М.: Гнозис, «Дом интеллектуальной книги», 1998), напечатанных по инициативе германского общества Стефана Андреса (Stefan-Andres-Gesellschaft), – других переводов¹ нет.

18 апреля 1959 г., за месяц до начала III Всесоюзного съезда советских писателей, который должен был проходить в Москве с 18 по 23 мая, лауреат пяти Сталинских премий Александр Корнейчук, вернувшийся из поездки в Европу, представил А.А. Суркову, первому секретарю Союза писателей, памятную записку:

В Западной Германии я был в гостях у крупнейших католических писателей: у Стефана Андреса, который живет недалеко от Бонна, на роскошной вилле, у самого Рейна, и у Генриха Бёлля. Стефан Андрес считается там самым крупным современным писателем, который по отношению к нам ведет себя прилично. В беседе он рассказал мне, что был по приглашению три месяца в Америке и, вернувшись домой, не написал о своем путешествии ни строчки. На мой вопрос – что он знает о советской литературе и Советском Союзе, он ответил, что очень мало, и дал понять, что хотел бы познакомиться с жизнью Советского Союза. Я сказал ему, что у нас скоро будет съезд писателей, и мы приглашаем на него гостей из-за границы. Андрес заметил, что пред-

¹ Перевод обоих изданий сделан С.Л. Фридлянд.

почел бы поехать в Советский Союз не на съезд, так как ему не хотелось бы связывать себя никакими политическими обязательствами, а просто познакомиться с жизнью Советского Союза, приехать хотя бы на две-три недели, вместе с женой¹.

Письмо Корнейчука представляет собой прекрасный образец советского дипломатического искусства, поскольку, как значилось в одной из бумаг Союза советских писателей, Андрес имел репутацию писателя, «выступавшего ранее с весьма реакционными заявлениями»². Весь текст на двух страницах имел своей целью уговорить Союз писателей пригласить Андреса в гости. Памятная записка, начинавшаяся в формате отчета о проделанной работе за границей, заканчивалась как прошение – просьбой Корнейчука поставить вопрос о приглашении благонадежных Стефана Андреса и Генриха Бёлля на секретариате. При этом, как можно заметить по тексту Корнейчука, просьба изначально исходила именно от самого Андреса, а он, Корнейчук, эту просьбу лишь поддерживал, обосновывая неоспоримую выгоду для литературной политики СССР в случае приезда Андресов.

Стефан Андрес действительно, как и характеризовал его Корнейчук, был «католическим писателем», всегда придерживался этого статуса, имел обширные знакомства в среде католического духовенства, считался в Ватикане «*persona gratissima*»³ и был похоронен на ватиканском кладбище. Андрес с детства готовился родителями к принятию сана, получил основательное теологическое образование, поскольку сначала учился в монастырском интернате, а потом несколько лет был послушником при капуцинском монастыре, но вопреки родительским чаяниям стал не священником, а писателем. В 1937 г. Андрес эмигрировал с семьей в Италию, в конце войны попытался вернуться на родину, однако столкнулся с нежеланием властей американской оккупационной зоны разрешить его семье репатриацию. Препятствием, как считалось, стала его недолгая близость монархическим кругам⁴. Реэмиграция в итоге состоялась лишь в 1950 г.

¹ Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ. 18.04.1959. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3166. Л. 1.

² Стеженский В.И. Справка о литературной жизни ФРГ в 1959 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.26. Ед. хр. 3167. Л. 1.

³ *Braun M.* Stefan Andres. Leben und Werk, Bonn: Bouvier, 1997, S. 151 [zit. nach: Hermann Erschens, Nachdenken über Stefan Andres. Ein Gespräch mit Dr. Wolfgang Schwarz // Mitteilungen der Stefan Andres-Gesellschaft, 11, 1990, S. 19].

⁴ Кронпринц Рупрехт Баварский, живший в эмиграции во Флоренции, в конце войны переехал в Рим, где нашел поддержку в среде монархически настроенных немцев.

В это время Андрес, как и подчеркивалось в памятной записке Суркову, был чрезвычайно популярным писателем, который, благодаря своему влиянию, мог бы способствовать установлению контактов советских писателей с западногерманскими коллегами. Звонок из советского посольства накануне Третьего съезда Союза советских писателей был совершенно закономерен также и потому, что после возвращения в Германию Андрес почти сразу включился в политические дискуссии, в том числе в антиядерную кампанию, активно выступая против закона об оснащении бундсвера ядерным оружием. В 1958 г. писатель выступил с речью «Против ядерного вооружения» («Gegen die Atomaufrüstung»), в которой затронул «неправильное отношение Германии к Востоку»¹ и выделил нежелание «атеистов на Востоке»² (такое наименование советского народа, возможно, было воспринято в СССР как «реакционное замечание») начинать ядерную войну. Когда Корнейчук упоминает «приличное» поведение Андреса по отношению к СССР, он имеет в виду именно эту позицию писателя.

В этом необычном визите был заинтересован не только Корнейчук, представлявший ССП. О важности поездки для самого Андреса говорит, прежде всего, тот факт, что он охотно отозвался на приглашение посетить «атеистов на Востоке» – несмотря на определенные риски для его писательской репутации, с одной стороны, и весьма сомнительные перспективы, с другой стороны. Поскольку визит планировался неофициальным, писатель не мог рассчитывать на какой-либо интерес к нему со стороны немецкого общества и на свое участие в политической дискуссии в качестве недавнего гостя советской столицы. Не было у Андреса во время составления памятной записки и воодушевляющего опыта посещения стран соцблока, так как в Югославию Андрес собирался лишь в мае. По всей видимости, СССР привлекал Андреса исключительно как родина его «литературных наставников» и, возможно, была скромная надежда издать свои произведения на русском языке. Так или иначе, Стефан Андрес обратился в посольство СССР в ФРГ «с просьбой разрешить ему поездку в Советский Союз на один месяц с женой в качестве гостя Союза писателей СССР»³. Не имея официального приглашения от Союза писателей, Андрес просто сослался в посольстве на «соответствующее приглашение, полученное им от тов. Корнейчука А.Е. во время его пребывания в ФРГ»⁴.

¹ *Andres S. Gegen die Atomaufrüstung //ders. Der Dichter in dieser Zeit. München: Piper, 1947. S. 99.*

² *Ibid.*

³ И. Ильичев – Первому секретарю Союза писателей СССР К.А. Федину. 7.07.1959. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 76.

⁴ Там же.

Доротее Андрес, вдова писателя, обращается в своих воспоминаниях к поездке в СССР дважды: в мемуарах и в записанной на магнитофонную пленку беседе с литературоведом Вильямом Диком, навесившим ее в Риме. Поездка описывается Доротее Андрес в обоих случаях достаточно подробно, и, насколько можно судить по опубликованным материалам, с минимальными фактографическими расхождениями. Мемуары были написаны вдовой в середине 1980-х (соответственно, сборник статей об Андресе, куда вошла статья В. Дика, вышел в печати в 1990 г., то есть Доротее Андрес примерно в одно и то же время записывала воспоминания и давала интервью Дикю), но через десять лет, когда встал вопрос об их публикации, они были тщательно пересмотрены и сокращены. В 2009 г. мемуары были изданы Кристофером Андресом, внуком писателя, и литературоведом Михаэлем Брауном, автором монографии об Андресе (1997).

В своих мемуарах, получивших название «Carpe Diem!»¹, Доротее Андрес вспоминала, как в начале апреля 1959 г., писателю позвонили из советского посольства:

Итак, приехал драматург Александр Корнейчук в сопровождении двух господ из русского посольства в Роландсэке. Переводчик, который был помоложе, был типичным функционером, тот, который постарше, еще имел хорошие манеры былых времен, и его, как и Корнейчука, отличала даже какая-то сердечность (CD: 270).

Приглашенный на III Всесоюзный съезд советских писателей Андрес, добрый католик и недавний монархист,

конечно же, сразу отклонил предложение и подчеркнул, какое удивление и непонимание это участие могло бы вызвать у его юных читателей; он совершенно не марксист, его считают исключительно христианским автором, что совпадает и с его намерениями. Он должен с сожалением отказаться, несмотря на великих русских авторов XIX века, которых он почитает как своих литературных наставников, и он более чем охотно познакомился бы со страной и людьми Советского Союза. Сначала небольшое замешательство – потом коллега импульсивно сказал: «Ну так вы можете приехать просто в другой раз! Когда бы Вы хотели?» (CD: 270).

«Корнейчук быстро сориентировался» (CD: 270), вспоминала вдова писателя, и предложил выбрать время. Свободным от планов оказался лишь

¹ «Живи сегодняшним днем», «наслаждайся настоящим» (лат.).

сентябрь. Андресу было важно, чтобы визит проходил неофициально и без освещения в прессе, что также устроило приглашающую сторону.

Аудиозапись имеет дополнительные нюансы.

Андрес ответил советскому гостю: «Я очень сожалею, но это приглашение я, конечно же, принять не могу, не по политическим причинам, а потому, что мои читатели, и, прежде всего, юные читатели, могли бы сразу же это неправильно понять. Я христианский писатель... Я убежден, что мой голос не будет иметь никакого веса на этом мероприятии, однако если мое имя появится в списке участников, это будет, возможно, с Вашей стороны хорошо просчитанный ход конем, а с точки зрения моих читателей, мое участие будет необъяснимо». Андрес заверил Корнейчука, что он уже давно хотел бы посетить Россию, «тем более что я всегда считал ваших великих писателей прошлого века моими духовными предшественниками». Корнейчук и Андрес сошлись на частном визите¹.

Причина отказа Андреса – один из наиболее интересных моментов в памятной записке. Можно заметить, что Корнейчук объяснял нежелание Андреса приехать на съезд писателей его предпочтением не «связывать себя никакими политическими обязательствами», однако согласно аудиозаписи Доротеи Андрес, писатель отрицает «политические причины» и указывает на исключительно христианскую основу своего творчества, мало совместимую с хрущевской религиозной политикой. Корнейчук упоминает религиозность Андреса и Бёлля, но не ссылается на нее как на препятствие к официальному визиту в СССР, сглаживая остроту христианской темы. То есть объяснить отказ Андреса «политическими обязательствами» – опасением быть заподозренным в симпатии к коммунизму – кажется Корнейчуку менее рискованным, чем упомянуть религиозный конфликт.

Характеризуя Андреса и Бёлля, Корнейчук в буквальном смысле слова занимается мифотворчеством: он создает образ двух представителей совершенно разных писательских поколений Германии, симпатизирующих Советскому Союзу.

Наши в посольстве считают, что было бы очень важно, если бы старика Стефана Андреса, который находится еще в полной творческой силе, мы пригла-

---

¹ Dyck W.J. Bedenkliche Schöpfungsweisheit: Fjodor Dostojewski und Stefan Andres // Mein Thema ist der Mensch. Texte von und über Stefan Andres / Chr. Basten, Chr. Bähr u.a. München: Piper, 1990. S. 315–316.

силы в Советский Союз недели на две-три, так как это весьма влиятельный человек среди западной германской интеллигенции¹.

Из скудных, но любопытных характеристик официального письма адресат должен был понять, что старый Андрес считался более консервативным, чем еще молодой Бёлль, и что при очевидном гостеприимстве Андресов они «по некоторым важным вопросам были сдержанны»². В таком случае этот «старик Стефан Андрес», «весьма влиятельный человек», находящийся «еще в полной творческой силе», тем более должен был бы заинтересовать Союз писателей. Корнейчук не мог не знать возраст немецких коллег: Андресу было в 1959 г. пятьдесят три, то есть «старик Андрес» был на год моложе самого Корнейчука. О возрасте сорокадвухлетнего Бёлля тоже говорится расплывчато: «Ему сейчас лет сорок – сорок пять»³. Дополнительным важным моментом для коллег Суркова должно было стать обещание Андреса опубликовать в Германии свой отчет о поездке: «Я бы написал для нашей прессы ряд очерков... Было бы хорошо, если бы я получил приглашение от Союза писателей в августе или сентябре»⁴.

Можно уверенно утверждать, что таких слов Андрес, согласившийся на поездку при условии ее неофициальности и ничего не знавший ни о советской литературе, ни, тем более, о Союзе советских писателей, не произносил. Их авторство полностью принадлежит Корнейчуку. На фоне упомянутой поездки Андреса в Америку, после возвращения из которой тот «не написал о своем путешествии ни строчки», обещанные Корнейчуком «ряд очерков» выглядели, безусловно, эффектно. Кроме того, они были обязательным для приглашения иностранного автора в СССР. Написание иностранным автором травелога после посещения СССР считалось не просто хорошим тоном, но и чем-то вроде культурного кода советской эпохи, что Андрес, несомненно, знал так же хорошо, как и Корнейчук. Наконец, упоминание предстоящей поездки Андреса в Югославию если и не входило в разряд важнейших аргументов в пользу писателя, то, по крайней мере, было позитивной ремаркой. Судя по состоявшемуся визиту Андресов в Советский Союз, памятная записка Корнейчука своей цели достигла.

¹ Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ в 1959 г. 18.04.1959. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3166. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

Интересно, что упоминание о посещении Стефаном Андресом Югославии весной 1959 г. тоже можно найти в «*Carpe Diem!*». Этот эпизод не описывается подробно, однако он интересен с точки зрения модальности мемуаров Доротее Андрес: пример Югославии показывает, насколько для нее, а еще в большей степени для издателей ее мемуаров, было важно умалчивать о связи Андреса со странами соцблока. Если, согласно Корнейчуку, «югославские писатели пригласили Андреса на май месяц отдыхать где-то на побережье»¹, то Доротее Андрес, подробно останавливаясь на «паузе в работе» (*Schreib-Pause*) супруга после завершения им романа «Серая радуга» («*Der graue Regenbogen*»), красочно и детально описывая их земельный участок и строительные работы на реке Мозель, лишь вскользь упоминает о «поездке на каникулы с дочерью Имой в Югославию. Ее сообщения были скудные, но восторженные» (CD: 272). Логично предположить, что «каникулы в Югославии» были не заранее спланированной туристической поездкой, а очередным неофициальным посещением Андресом зарубежных коллег.

О впечатлениях от Советского Союза можно также лишь догадываться, поскольку эти записи Доротее Андрес вовсе не были включены в мемуары. Уведомление издателей, предвещающее воспоминания, – «При подготовке текста издатели руководствовались принципом печатать все, что могло бы представлять интерес для широкой читательской аудитории»², – по всей видимости, соотносится с ремаркой относительно поездки в СССР:

Это путешествие в Россию Доротее Андрес сохранила в кратких заметках, которые она делала каждый день, так что в конце концов они заняли тридцать страниц. Если их включить в издание, они нарушат рамки этой редакции воспоминаний (CD: 275).

Ни поездка в Югославию, ни поездка в СССР, «кратко» изложенная на тридцати страницах, таким образом, не «представляли интерес для широкой читательской аудитории», в отличие от многочисленных бытовых мелочей. Один из доступных документов, сохранивших официальную информацию о пребывании Андресов в СССР, – составленный их переводчиком отчет для ССП.

Стефан и Доротее Андрес приехали в Москву 11 сентября. Их посещение Советского Союза совпало с двумя масштабными событиями со-

¹ Там же. Л. 1.

² *Andres Chr., Braun M. Vorwort* (CD: 9).

ветской истории: 12 сентября, на второй день пребывания Андросов, была запущена к Луне вторая космическая ракета, а еще через три дня, 15 сентября, Н.С. Хрущев совершил посадку на американском аэродроме. Первые два дня писатель соответствовал традиционным ожиданиям советской стороны: восхищался архитектурой Москвы, университетом и строительством юго-западного района, кукольным театром. 12 сентября состоялась «беседа в Союзе писателей с секретарем правления СП СССР т. А. Сурковым по программе пребывания С. Андроса в СССР», во время которой Андрос «выразил свое желание понять душу русского народа и народов СССР и сочетание исторического прошлого и нынешнего дня», а самое главное для советской стороны, подтвердил свое стремление «установить связи между писателями Западной Германии и Советского Союза» (ВИ: 1). На третий день, однако, Андрос захотел «увидеть, где народ молится и как отдыхает» (ВИ: 2). Начались посещения монастырей и действующих храмов. Андрос, как сказано в отчете, «выражал свое удовлетворение тем, что много верующих, что “русская душа не погибнет” и что вера русских проявляется искренне и открыто» (ВИ: 2). В промежутке между посещениями Новодевичьего монастыря, Елоховской церкви (13 сентября) и поездкой в Троице-Сергиеву Лавру (15 сентября) писатель критиковал стиль промышленных выставок Румынии и Польши, подчеркивая устаревшую эстетику. В Загорске Андрос «восторгался храмами», «интересовался положением религиозных культов и священнослужителей в Советском Союзе и был совершенно удовлетворен полученными сведениями» (ВИ: 2). В Ленинграде и Петергофе (16 сентября) писатель возмущался «фашистами, совершившими варварские разрушения» и тем, что запрещено фотографировать город с Исаакиевского собора, «считая это неразумным ущемлением личной свободы, не приносящим пользы государству» (ВИ: 2).

В Ленинграде состоялась, по всей видимости, важная беседа, после которой стиль высказываний Андроса заметно изменился. Вечером 16 сентября Андрос «беседовал с писателем В. Рождественским об идее Бога и русской истории» (ВИ: 3). Можно лишь снова предположить, что разговор о Боге Всеволода Рождественского, сына дореволюционного протоиерея, и С. Андроса, несостоявшегося священника, сына несостоявшегося католического монаха, был весьма любопытен, «причем В. Рождественский очень удачно полемизировал с С. Андросом» (ВИ: 3). В любом случае, с этого момента отчет о поездке Андроса изобилует его заявлениями о правильности русской и советской истории. Наутро, после «полемики» с В. Рождественским, было запланировано посещение Смольного и Петропавловской кре-

пости, после которого писатель «сказал, что теперь многое понял, а также и то, что революция в России была необходимостью, дальше народ терпеть не мог, и коммунизм – это именно то, что нужно России» (ВИ: 3). Далее эта мысль повторяется в разных вариациях практически до самого отъезда. Например, 19 сентября, вернувшись в Москву и посетив усадьбу Л. Толстого, Андрес почти слово в слово повторил свою фразу, сказав, «что только теперь понял, до чего необходима и неизбежна была революция в России» (ВИ: 3). Однако – была ли причиной усталость писателя или что-то иное – в тот же день, 19 сентября, в беседе с журналистами Андрес явно перешел границу дозволенной критики.

Интервью у Андреса брали дважды: 15 сентября для газеты «Литература и жизнь», которая была печатным органом правления Союза писателей РСФСР, и 19 сентября для популярного фешенебельного журнала «Советская женщина». Доротее Андрес упоминала еще и о «пресс-конференции» – возможно, имелось в виду одно из этих двух интервью, причем скорее всего именно второе. На следующий день после встречи с корреспондентами «Литературы и жизни» статья под названием «Войны не должно быть» появилась в печати. Интервью для «Советской женщины» так и не было напечатано. Этот факт тем более любопытен, что октябрьский номер журнала по своему освещению зарубежной культуры был преимущественно «немецким»: после изложения всех важных событий – освоения космоса, визита Хрущева в Америку, завершения первого года советской семилетки – читателю предлагался рассказ о поездке в ГДР писательницы и военного офицера Ирины Левченко, обращение немецкого писателя Ганса Мархвицы и статья немецкого журналиста о берлинском профсоюзе. Кроме того, традиционным для журнала было сообщение об иностранных туристах в СССР. Интервью с Андресом, таким образом, соответствовало бы тематике октябрьского выпуска. Отчет переводчицы Андреса для ССП прямых комментариев не содержит, однако выделяет несколько высказываний писателя, которые, по всей вероятности, и стали препятствием для публикации интервью в журнале, выходившем в печать на многих иностранных языках. Корреспонденту «Советской женщины» Андрес

заявил, что может говорить все, что хочет, и что у нас неверные представления о порядках в Западной Германии. Далее он заявил, что считает коммунизм необходимым и пригодным для России – но только для России, так же, как западный капиталистический строй – для Запада (ВИ: 4).

Логично отнести к этой беседе и позиции «может говорить все, что хочет» соображение писателя, которое осталось лишь в воспоминаниях Доротеи Андрес: «Да, мы в Германии, пожалуй, должны социализироваться, но вы в Советском Союзе, тем не менее, должны наконец либерализоваться»¹.

«Справка о литературной жизни ФРГ в 1959 г.», подготовленная в конце 1959 г. сотрудником Иностранной комиссии Союза советских писателей, бывшим военным переводчиком В.И. Стеженским, обошла молчанием неудавшуюся беседу 19 сентября, зато сообщала, что «большой общественный резонанс получило интервью в газете “Литература и жизнь” гостившего в СССР писателя Стефана Андреса, выступавшего ранее с весьма реакционными заявлениями»².

Надо признать, что интервью с Андресом в перечне материала в номере выглядело очень эффектно. Оно прекрасно гармонировало со всеми событиями и названиями, которые конструировали наполненную романтикой и надеждой советскую реальность. Имя Андреса в анонсе даже не упоминалось, беседа с ним была последней в списке, однако его требование мира («Войны не должно быть») было своеобразной смысловой и эмоциональной кульминацией.

Структура интервью, напечатанного в «Литературе и жизни» 16 сентября, соответствовала строгому шаблону: первое впечатление, восхищение советским образованием, прекрасное взаимопонимание, визит Хрущева в Америку, готовность Запада к диалогу с СССР, космическая программа, контакт двух Германий. Андрес, названный в газете господином Андресом, сразу заявлял о своей христианской позиции (это было единственным отклонением от принятого канона) и самом важном открытии своего трехдневного пребывания:

По своим убеждениям я католик. Вчера дважды побывал в церкви. Меня как верующего обрадовало, что в вашей стране действительная свобода вероисповедания³.

Все последующие высказывания писателя были ожидаемы и прекрасно вписались в общую атмосферу выпуска. Андреса поразила «тяга к знани-

¹ Dyck W.J. Bedenkliche Schöpfungsweisheit: Fjodor Dostojewski und Stefan Andres. S. 316.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3167.

³ Войны не должно быть // Литература и жизнь. 16.09.1959. С. 4.

ям, культуре» советских людей, «приятной неожиданностью было для него встретить в комнате отдыха на Брестском вокзале «Зимнюю сказку» Гейне и «Верноподанного» Генриха Манна.

Я раньше не представлял себе, что в музеях вокруг экспонатов, картин могут постоянно толпиться люди, обмениваться впечатлениями, спорить. Для человека с Запада все это было чрезвычайно новым, удивительным, потрясающим¹.

Именно это Андрес называет «одной из наиболее важных сторон завоеваний вашей революции, которые производят на иностранцев колоссальное впечатление». Андрес упоминает знакомство с Алексеем Сурковым, с которым ему было «чрезвычайно приятно разговаривать», поскольку они оба «говорили откровенно, прекрасно понимая друг друга». Кроме того, предполагаемый барьер между ним и москвичами по причине того, что Андрес не коммунист, оказался «вполне преодолимым». Говоря о контактах с писателями ФРГ, Андрес не забывает упомянуть Анну Зегерс, которую он ценит, которая часто бывает в ФРГ и которая как раз в 1958 г. посетила Советский Союз. Интервью Андреса полностью соответствовало (кроме начального заявления о религиозных убеждениях) картине мира советского человека; впрочем, газета «Литература и жизнь», обслуживавшая Союз писателей (и даже имевшая в писательской среде неприличное прозвище), могла вызвать «большой общественный резонанс» только среди членов ССП.

После злополучного интервью с «Советской женщиной» Андрес ненадолго вернулся к теме «эксплуатации народа» (ВИ: 4) во время осмотра Оружейной палаты (20 сентября). Следующим пунктом программы пребывания была Армения, поездка по которой особенно впечатлила Андреса. В Армении писатель

беседовал с католиком. Суть беседы сводилась к тому, что С. Андрес предлагал всем верующим подать друг другу руки через все границы и не забывать веры. С. Андрес остался очень доволен ответами католика на его вопросы о положении религии в Армении, близкой ему, как библейская страна (ВИ: 5).

---

¹ Там же.

Перед местными семинаристами, поразившими его своим пением, Андрес произнес подобие проповеди «о своем понимании роли священника среди населения» (ВИ: 5). 26 сентября писатель был уже в Москве, опять в церкви – на этот раз в Коломенском, «где Андрес снова высказал свое удовлетворение положением религии в России и религиозным чувством русских» (ВИ: 6).

Заключительным пунктом программы был визит в Киев к Корнейчуку по его личному приглашению. В Киеве Андреса восхитила Лавра, возмутили разрушенные храмы, не понравилась гостиница «Интурист» и запомнился прием у Корнейчука. Примечательно, что издатели мемуаров Доротеи Андрес, оставив без внимания тридцать страниц путевых заметок по России и Армении, решили упомянуть поездку к Корнейчуку:

Однако стоит сообщить о драматурге Корнейчуке, который посетил Андресов весной в Ункеле и которому был обещан ответный визит в Киеве (CD: 275).

Здесь отчет сопровождавшей Андресов переводчицы настолько отличается от воспоминаний Доротеи Андрес, что можно почти предположить два разных визита. Отчет сообщает, что во время «завтрака» у Корнейчука Андрес

снова говорил, что считает коммунизм правильным для России, что если бы он родился в России, то он сам был бы коммунистом, но для Запада коммунизм не подходит, им нравится их система, и он просит не навязывать коммунизма Западу, считая, что только при этом условии возможны дружеские связи между этими двумя системами (ВИ: 7).

Целая страница отчета посвящена аргументам двух споривших сторон. Вдова не касается темы коммунизма вовсе: во время обеда

Стефан говорил с Корнейчуком преимущественно о религиозных вопросах, у Корнейчука при этом появился тоскливый взгляд. Он даже признался, что атеисту, собственно говоря, живется гораздо сложнее, чем верующему человеку (CD: 275).

Паломничество в страну Советов закончилось встречей Андреса с московскими критиками и переводчиками. Вопросы, судя по воспоминаниям

В.Кёппена¹, были для всех западных немцев стандартные, как, впрочем, и те ответы, которые давали западные немцы. Реплика переводчицы с прорывающейся эмоциональной нотой (видимо, удивления?) указывает на то, что Андрес снова почувствовал себя вполне свободным и повторил некоторые идеи, которые «выражал неоднократно и прежде и с тов. Боевым, корреспондентом “Советской женщины”, и в других беседах» (ВИ: 9):

С. Андрес, отвечая на вопросы, заявил, что Ремарк на Западе не считается крупным писателем. Он говорил, что там иной подход к творчеству, чем у нас. Основным критерием считается «магия слова», умение привести читателя в определенное состояние. Про И. Бехера С. Андрес говорил, что сонеты его прекрасны, потом он стал писать хуже и последние его стихи с рефреном «партия всегда права» стоят вне литературы и называться стихами не имеют права. Затем он говорил о том, что на Западе запретить книгу очень сложно, и в основном запрещают книги, разлагающе действующие на мораль, но и это бывает редко. Причем большую роль играет мнение общественности и влияет на запрещение или снятие запрещения. Далее С. Андрес сказал, что уже меньше стало безнравственных комиксов, портивших молодежь.

Многие книги запрещено продавать молодежи, продают только взрослым. Писать можно все, что угодно, но не всегда легко найти издателя или театр для постановки, т.к. они часто руководствуются соображениями карьеры и рынка, конъюнктуры. Многие не ставят вещей критического содержания, не желая вставать в оппозицию к правительству. Но никто им этого официально не запрещает (ВИ: 8–9).

Упоминание корреспондента «Советской женщины» лишний раз подтверждает невозможность публикации интервью и неуместность позиции Андреса «говорить все, что хочет».

Конкретного продолжения визит Андреса в СССР не имел. Перед отъездом Андрес «рекомендовал некоторые свои произведения для перевода на русский язык». Вряд ли среди «рекомендованных произведений» был новый роман писателя «Серая радуга», последняя книга трилогии «Потоп» о Третьем рейхе, вышедший сразу после возвращения Андресов из Москвы – в октябре 1959 г. (и потому, что во время нахождения Андреса в Москве книга еще не появилась, и потому, что она была завершением

---

¹ *Koepen W.* Herr Polevoi und sein Gast // ders. Nach Russland und anderswohin: Empfindsame Reisen. Stuttgart: Covert, 1958. S. 167–169. В. Кёппен побывал в СССР в 1957 г.

трилогии). Но именно об этом романе Л.З. Копелев оставил отзыв, в котором выразил свои сомнения относительно необходимости переводить произведение:

С. Андрес – писатель очень популярный в Западной Германии, его творчество изучается в средних школах, и он, так сказать, причислен к лику живых классиков. Он действительно талантливый, своеобразный художник, гуманный и доброжелательный.

Поэтому следовало бы познакомить наших читателей с творчеством С. Андреса.

Однако религиозные, мистические элементы, органически присущие мировоззрению этого писателя и проявляющиеся в склонности к символике и аллегориям, и в этом романе представлены особенно «густо».

Смешение образов реальности, действительности и условных символических картин в повествовании о недавних исторических событиях, кажется недостаточно убедительным.

Поэтому, для первого издания С. Андреса у нас, может быть, следовало бы избрать другие его произведения (например, романы «Мальчик в колодце», «Качели любви» или сборник новелл)¹.

Мнение Копелева о романе «гуманного и доброжелательного» христианского писателя занимало последнюю, 17 страницу, все предыдущие 16 подробно излагали содержание романа. Рекомендованные Копелевым произведения Андреса (во всяком случае, «Мальчик в колодце» и новеллы), скорее всего, совпадали с тем списком, который оставил сам Андрес.

Однако переводы так и не появились. В стенограмме заседания Иностранной комиссии 6 января 1960 г. по обсуждению современной художественной немецкой литературы имя Андреса даже не упоминается.

Консультант по литературе ФРГ В. Стеженский подчеркивал в обзоре литературной ситуации важность писательского диалога между ФРГ и СССР:

Необходимо в ближайшее время использовать все имеющиеся возможности для расширения контактов с антифашистски настроенными писателями Западной Германии. Следовало бы, в частности, запросить С. Андреса, как обстоит дело с его обещанием организовать приглашение в ФРГ группы советских писателей с целью установления творческих контактов. <...>

¹ Копелев Л.З. Стефан Андрес. «Серая радуга». РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 17.

Следовало бы установить связь с литературным клубом Комма¹ в Мюнхене, который практикует приглашение зарубежных писателей для организации их творческих вечеров (там выступали, в частности, писатели из ГДР и Польши). Такого рода связи можно было бы установить с помощью нашего посольства в ФРГ².

2 декабря 1959 г. Иностранная комиссия ССП направила запрос в посольство СССР в ФРГ, и 1 февраля 1960 г. советник посольства провел с Андресом беседу о налаживании контактов и участии советских писателей в работе ПЕН-клуба:

Андрес говорил, что очень доволен своим пребыванием в Советском Союзе. <...> Андрес сказал, что он был бы рад приезду советских писателей в ФРГ. Он говорил об этом с Кроллем в Москве. Кроль одобрил эту идею и обещал предпринять необходимые меры³.

Намерения Андреса способствовать установлению писательского диалога упоминаются во всех материалах, касающихся неофициального гостя СССР. Однако в действительности все оказалось гораздо сложнее, Андрес затрагивал тему советско-германских контактов в разговорах с послом ФРГ в Москве Хансом Кроллем, но тот, понимая ситуацию, не планировал лично разворачивать в ФРГ кампанию по творческому сближению с Союзом советских писателей, как и ССП, в свою очередь, никогда не собирался публиковать произведения Андреса на русском языке.

Все зависит от Кролля, ответил Андрес. Писатели в ФРГ организованы по землям. Ни одна западная писательская организация не возьмет на себя приглашение советских писателей. Если бы советская писательская организация была членом «Пен-клуба», то тогда можно было бы попытаться организовать такое приглашение в порядке установления контактов в рамках «Пен-клуба». Андрес сказал, что Кроль проявил большой интерес к приглашению советских писателей в ФРГ. Андрес подчеркнул, что Кроль обещал взять это дело в свои руки⁴.

¹ Имеется в виду Комма-Клуб в Мюнхене, организованный Р. Зеелигером в литературном кафе как форум левоориентированных молодых писателей.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3167.

³ Запись беседы со Стефаном Андресом. 14.02.1960. РГАЛИ. Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 3178. Л. 2.

⁴ Там же.

По всей видимости, посол Ханс Кролль, заработавший в ФРГ неоднозначную репутацию из-за своих дипломатических инициатив и личных переговоров с Хрущевым, и отозванный в 1962 г.¹, не мог организовать приглашение советских писателей в ФРГ, несмотря на ходатайство Андреса.

Андрес в общем-то сдержал обещание, о котором говорилось в памятной записке Корнейчука:

он дал интервью южно-германскому радио о своей поездке. С подобной просьбой обращались к нему из бременского радио, но у него, как сказал Андрес, тогда не было времени, а возобновления просьбы не последовало. Выступил с докладом в католической гимназии².

Подчеркнутого интереса в Германии его путешествие в СССР не вызвало, а в его биографиях этот факт всегда умалчивался. В дальнейших публикациях писатель также очевидно симпатизировал СССР. В 1961 г. Андрес, оказавшись в поездке по Италии, которую всегда очень любил, принял спонтанное решение обосноваться там навсегда, тем более что для литературного творчества его политическая ангажированность в Германии имела скорее нежелательные последствия.

Посещение Советского Союза Андресами вполне можно считать «странным визитом», если иметь в виду очевидное, на первый взгляд, отсутствие выгоды для советской стороны. Однако литературная политика Иностранной комиссии не была ни прямолинейной, ни неразборчивой. С момента установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ до 1959 г. в Москве успели побывать несколько западных писателей, причем последний из них, Вольфганг Кёппен, предпринял путешествие с целью продолжить свою серию травелогов. И все же эти первые визиты носили совершенно частный характер. Визит Стефана Андреса должен был, как ожидалось, инициировать межкультурный писательский диалог, однако

¹ См., напр. о своеобразии дипломатии Х. Кролля: Г. Кролль не раз выходил на Конрада Аденауэра и свое министерство иностранных дел, передавая желание Н.С. Хрущева прибыть в ФРГ с визитом и провести переговоры с канцлером. Канцлер отказывался. По мнению Кролля, <...> важная причина заключалась в том, что Хрущев был несимпатичен Аденауэру со времен московских переговоров <...> За излишнюю активность Ганс Кролль в итоге был заменен в Москве другим послом» (Сорокин А. Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. № 5, p. 1671).

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3178. Л. 2.

Союз советских писателей рассчитывал пригласить никому не известного в СССР Андреса вместе с Генрихом Бёллем, о котором советский читатель впервые узнал в 1952 г. и который затем с 1957 г. начал активно издаваться в русских переводах. Причем Бёллю отводилась в этой паре главная роль. Собственно, об этом достаточно ясно докладывал Корнейчук в своей записке. Однако Бёлль в 1959 г. от приглашения отказался. Сложно сказать, повлияла ли поездка Андреса на решение Бёлля посетить СССР через пару лет. В любом случае, в 1962 г., наконец, началась «эпоха» визитов в СССР Генриха Бёлля и налаживание тех самых контактов, к которым так долго стремился Союз советских писателей.

Впрочем, даже в «странном» визите Стефана Андреса был своеобразный «миссионерский» шарм: Андрес приехал в хрущевскую Россию с твердой установкой увидеть в ней мир Достоевского и Гоголя среди построенного социализма, много раз делал заявления, из которых можно было заключить, что этот мир еще не погиб, и этот консервативный христианский взгляд, ясно различавший на фоне советских новостроек фигуры литературных предшественников, кому-то из собеседников Андреса мог оказаться полезен.

Литература

Сорокин А. Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. № 5. P. 1657–1673.

References

Braun, M. *Stefan Andres. Leben und Werk*, Bonn: Bouvier, 1997.

Mein Thema ist der Mensch. Texte von und über Stefan Andres. Chr. Basten, Chr. Bähr u.a. München: Piper, 1990.

Sorokin A. “*Ekonomicheskie otnosheniya Sovetskogo Sojuza s Avstriiej i FRG: politicheskie faktory i iskusstvo diplomatii (1955–1964)*” [“*The Soviet Union’s Economic Relations with Austria and the Federal Republic of Germany: Political Factors and the Art of Diplomacy (1955–1964)*].” *Quaestio Rossica* 10: 5 (2022): 1657–1673. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ в 1959 г.

А.Е. Корнейчук – А.А. Суркову.

18 апреля 1959

Дорогой Алексей Александрович!

Я недавно вернулся из поездки в Бельгию и Западную Германию. Поездка была очень интересная, при встрече в Москве расскажу.

В Западной Германии я был в гостях у крупнейших католических писателей: у Стефана Андреса, который живет недалеко от Бонна, на роскошной вилле, у самого Рейна, и у Генриха Бёлль. Стефан Андрес считается там самым крупным современным писателем, который по отношению к нам ведет себя прилично. В беседе он рассказал мне, что был по приглашению три месяца в Америке и, вернувшись домой, не написал о своем путешествии ни единой строчки¹. На мой вопрос – что он знает о советской литературе и Советском Союзе, он ответил, что очень мало, и дал понять, что хотел бы познакомиться с жизнью Советского Союза. Я сказал ему, что у нас скоро будет съезд писателей² и мы приглашаем на него гостей из-за границы. Андрес заметил, что предпочел бы поехать в Советский Союз не на съезд, так как ему не хотелось бы связывать себя никакими политическими обязательствами, а просто познакомиться с жизнью Советского Союза, приехать хотя бы на две-три недели вместе с женой. «Я бы написал для нашей прессы ряд очерков... Было бы хорошо, если бы я получил приглашение от Союза писателей в августе или сентябре».

Наши в посольстве считают, что было бы очень важно, если бы старика Стефана Андреса, который находится еще в полной творческой силе, мы пригласили в Советский Союз на две-три недели, так как это весьма влиятельный человек среди западной германской интеллигенции.

Югославские писатели пригласили Андреса на май месяц отдыхать где-то на побережье.

Из Бонна я поехал в Кёльн, на встречу с католическим писателем Генрихом Бёлль. Это чрезвычайно интересный человек и писатель, как мне кажется, более прогрессивный, чем Стефан Андрес. Ему сейчас лет сорок-сорок пять. Во время Второй мировой войны был в армии.

Генрих Бёлль встревожен развитием событий в Западной Германии, он, как и Стефан Андрес, является противником милитаризации Западной Германии и вооружения бундесвера атомным оружием. Они вместе подписывали ряд документов, в которых выражали протест против атомного оружия, против милитаризации Западной Германии, требовали запрещения испытаний атомного оружия³.

Если Стефан Андрес вместе со своей женой проявили по отношению ко мне большую любезность и искреннее гостеприимство, но по некоторым важным вопросам были сдержанны, то Генрих Бёлль был откровенным и не раз подчеркивал, что несмотря на тяжелые условия в Западной Германии, он всегда стоял и будет стоять за дружбу с Советским Союзом. Он высоко оценил советскую литературу и, конечно, произведения русской классики. Я спросил его, не хотел ли бы он приехать к нам на съезд писателей, в Москву. Он ответил, что приехал бы с большой радостью, и не только на съезд, так как хотел бы ознакомиться с жизнью Советского Союза. Правда, Г. Бёлль оговорился, что его участие на съезде могло бы принести ему очень большие неприятности и усложнить его работу.

Дорогой Алексей Александрович, Генриха Бёлль у нас печатали, о нем и об Андресе тебе более подробно может, вероятно, рассказать уважаемая т. Мотылева⁴ или кто-нибудь другой, специалист по немецкой литературе.

Мне кажется, что следует передать приглашение через наше посольство в Бонне на съезд писателей в Москву Генриху Бёлль. Если же он не сможет приехать на съезд, то надо вообще пригласить нашими гостями на август и сентябрь Стефана Андреса с женой и Генриха Бёлль с женой.

Прошу поставить этот вопрос на секретариате.

Сердечно приветствую тебя и всех товарищей. Александр Корнейчук.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. ед.хр. 3166. Машинопись.

Драматург, прозаик и публицист А.Е. Корнейчук (1905–1972), прославившийся в годы войны пьесой «Фронт» (1942), написанной по личному указанию и под контролем Сталина, лауреат пяти Сталинских премий, занимал посты председателя правления Союза писателей УССР (1946–1953), председателя Верховного Совета УССР (1947–1953). Член ЦК КПУ (1949–1972), член ЦК КПСС (1952–1972), член Президиума Всемирного совета мира (1952–1972). Был знаком со многими крупными зарубежными писателями и деятелями культуры: П. Пикассо, П. Нерудой, Ж. Амаду и др.

А.А. Сурков (1899–1983) – советский поэт и критик, ответственный редактор журнала «Огонек» (1945–1953), заместитель генерального секретаря Союза советских писателей (1949–1953), первый секретарь Союза писателей СССР (1954–1959).

¹ С. Андрес побывал в США в сентябре – ноябре 1952 г. Поездка была организована Госдепартаментом США в рамках культурного обмена. Доротея Андрес в своих

мемуарах предположила причину, по которой эта поездка состоялась: в конце войны в одном из своих выступлений Андреас предложил основать в Риме специальный институт для будущих американских оккупантов, в котором те могли бы изучить немецкий язык и культуру Германии. В США писатель выступил с речью «Америка как надежда мира» («Amerika als Hoffnung der Welt»), но действительно не опубликовал никаких статей о поездке. Путешествие по Америке было рассчитано на три месяца, однако Андреас решил вернуться на две недели раньше.

² Третий Всесоюзный съезд советских писателей состоялся 18–23 мая 1959 г.

³ Стефан Андреас участвовал в движении «Борьба с атомной смертью» («Kampf dem Atomtod»), которое было важной вехой в истории протеста общества ФРГ против атомного вооружения бундесвера. Комитет «Борьба с атомной смертью» выступил с призывом отказаться от атомного оружия, этот призыв подписали многие деятели культуры, в том числе писатели (Андреас, Бёлль, Эрих Кестнер, Ханс Хенни Янн и др.). Андреас был самым активным участником движения среди писателей, его имя было на плакатах комитета, им было написано множество речей; своими выступлениями, нередко вызывавшими бурную реакцию у аудитории, он обратил на себя внимание советских дипломатов.

⁴ Тамара Лазаревна Мотылева (1910–1992) – советский литературовед, специалист по истории западных литератур, литературным взаимосвязям, работала с приезжавшими в СССР немецкими писателями. Окончила МГУ (1930), с 1943 г. член Союза писателей СССР, принимала участие в работе Иностранной комиссии ССП. В 1940–1949 гг. сотрудник ИМЛИ, уволена в ходе кампании по борьбе с «космополитами»; в 1947 г. защитила докторскую диссертацию «Л.Н. Толстой во французской литературе и критике». Профессор, затем заведующая кафедрой Литературного института им. А.М. Горького (1956–1963). Автор книг о немецкой литературе: «Немецкая литература в борьбе против фашизма» (1942), «Анна Зегерс: критико-биографический очерк» (1953), «Первый антифашистский роман: “Верноподданный” Г. Манна» (1974), «Томас Манн и русская литература» (1975) и др.

II. ОТЧЕТ

гида-переводчика В. Ивановой о работе с западногерманским писателем Стефаном Андреасом и его супругой Доротти Андреас во время их пребывания в Советском Союзе (11 сентября – 2 октября 1959 г.)

По поручению Иностранной комиссии СП СССР мною была проведена работа с С. Андреасом и Д. Андреас с 11 сентября по 2 октября 1959 года.

11 сентября 1959 г. День приезда. Осмотр города. Посещение университета на Ленинских горах, стадиона им. В.И. Ленина, Кремля. Вечером – прогулка по центру Москвы. С. Андреас выражал восхищение строительством юго-западного района и прекрасной архитектурой Москвы.

12 сентября 1959 г. Беседа в Союзе писателей с секретарем Правления СП СССР т. А.Сурковым по программе пребывания С. Андреаса в СССР.

С. Андрес выразил свое желание понять душу русского народа и народов СССР и сочетание исторического прошлого и нынешнего дня, а также установить связи между писателями Западной Германии и Советского Союза. Запись на пленку беседы с С. Андресом представителя Радиокomiteта. После беседы – осмотр дома-музея Чехова, Третьяковской галереи, посещение театра кукол «Дело о разводе»¹. С. Андрес восхищался русской живописью и блестящей игрой кукол.

13 сентября. Посещение Новодевичьего монастыря, Елоховской церкви и Сокольнического парка, т.к. С. Андрес желал видеть, где народ молится и как отдыхает. С. Андрес выражал свое удовлетворение тем, что много верующих, что «русская душа не погибнет», и что вера русских проявляется искренне и открыто.

14 сентября. Посещение польской и румынской промышленных выставок в Парке культуры и отдыха им. Горького, осмотр храма Василия Блаженного. С. Андрес считает достижения промышленности Польши и Румынии значительными, но с художественной, эстетической точки зрения – вчерашними, недостаточно современными по форме и отделке. Вечером – посещение театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. «Эсмеральда»². С. Андрес выразил восхищение советским балетом.

15 сентября. Посещение Загорска, осмотр Лавры, музея в Абрамцеве, затем в тот же день – осмотр Выставки достижения народного хозяйства, главным образом, павильонов Средней Азии и циркорамы. С. Андрес восторгался храмами Загорска, интересовался положением религиозных культов и священнослужителей в Советском Союзе и был совершенно удовлетворен полученными сведениями.

Интервью корреспондентам газеты «Литература и жизнь» (опубл. 16.9.59).

Вечером – отъезд в Ленинград.

16 сентября. Приезд в Ленинград. Осмотр города. Посещение Петергофа. С. Андрес неоднократно выражал возмущение фашистами, совершившими варварские разрушения. Говорил, что обязательно напишет об этом, и расспрашивал о подробностях сопровождавшего нас представителя Ленинградского отделения СП СССР Савицкого³, дававшего исчерпывающие объяснения. Затем – экскурсия по Ленинграду, посещение дома Пушкина, Исаакиевского собора, где С. Андрес выразил недовольство тем, что там запрещено фотографировать город сверху, и считал это неразумным ущемлением личной свободы, не приносящим пользы государству. Затем осматривали ленинградское метро, вызвавшее восхищение С. Андреса в сравнении с другими городами Европы. Вечером С. Андрес беседовал

с писателем В. Рождественским⁴ об идее бога и о русской истории, причем В. Рождественский очень удачно полемизировал с С. Андресом.

17 сентября. Посещение Смольного и Петропавловской крепости, после чего С. Андрес сказал, что теперь многое понял, а также и то, что революция в России была необходимостью, дальше народ терпеть не мог, и коммунизм – именно то, что нужно России. Затем – посещение г. Пушкина и вечером – маленькие балеты Чайковского в оперном театре⁵. С. Андрес очень хвалил русскую музыку и балет и выражал мысль о том, что богатства русских царей выжимались из народа за счет его нищеты.

18 сентября. Посещение Александро-Невской лавры и Эрмитажа. Эрмитаж произвел на С. Андреса огромное впечатление, причем С. Андрес заявил, что не ожидал встретить в России так много картин почти современных художников и очень рад этому. Ленинградский театр кукол, где мы смотрели «Гал[а]тею»⁶, понравился С.Андресу еще больше, чем Московский. Вечером – отъезд в Москву.

19 сентября. Приезд в Москву. Посещение усадьбы Л. Толстого, где С. Андрес сказал, что только теперь понял, до чего необходима и неизбежна была революция в России, увидел по фотографиям и документам всю нищету и горе русского народа при царизме.

Затем мы посетили Музей изобразительных искусств им. Пушкина, где С. Андрес восторгался вкусом директора музея, приобретшего прекрасные произведения Гогена, Матисса, Пикассо и др. Затем С. Андреса интервьюировал корреспондент журнала «Советская женщина»⁷ тов. Боев, и С. Андрес заявил, что не боится говорить здесь все, что хочет, и что у нас неверные представления о порядках в Западной Германии. Далее он заявил, что считает коммунизм необходимым и пригодным для России – но только для России, также, как западный капиталистический строй – для Запада.

20 сентября. Вторичное посещение Третьяковской галереи. Осмотр иконописи. Затем – Оружейная палата, где С. Андрес, восхищаясь прекрасными произведениями искусства и ремесла, говорил о том, что все это было возможно только за счет эксплуатации народа; за счет его низкого уровня жизни накапливались у царей такие богатства.

Отлет в Ереван.

21 сентября. Прибытие в Ереван. Здесь нас все время сопровождал писатель Р. Арамян⁸. С. Андрес восхищался его любовью к Армении и ее истории. Поездка по городу сопровождалась историческими справками Арамяна. С. Андрес фотографировал живописные уголки старого и великолепные здания нового Еревана. При фотографировании базара произошел

следующий инцидент: один человек, кажется, не являвшийся официальным лицом, потребовал, чтобы перестали фотографировать. Тов. Арамян постарался его успокоить, и мы уехали. В дальнейшем я старалась осторожно препятствовать фотографированию плохо одетых людей.

С. Андрес все же заметил мои старания, и мне пришлось дать ему следующее объяснение: для него, как он говорит, это просто живописные группы селян и их жилищ, а наши враги могут использовать его фотографии для агитации против нас. Он заверил меня в своих добрых намерениях по отношению к СССР и в дальнейшем был осторожнее в выборе объектов.

Затем посетили «Матенадаран» – книгохранилище – и прослушали объяснения научных сотрудников тов. Абгаряна и Ареветяна⁹. С. Андрес был восхищен древними рукописями и рисунками и заявил, что они значительно интереснее и ценнее персидских, известных во всем мире, и он сделает все, что от него зависит, чтобы они стали более широко известны.

Затем – посещение развалин древней крепости Звартиоц, Эчмиадзина¹⁰, где С. Андрес беседовал с католикосом. Суть беседы сводилась к тому, что С. Андрес предлагал всем верующим подать друг другу руки через все границы и не забывать веры. С. Андрес остался очень доволен ответами католикоса на его вопросы о положении религии в Армении, близкой ему как библейская страна. Затем нам показали церковь и музей Эчмиадзина и пригласили в семинарию, где семинаристы по просьбе с. Андреса пели народные и религиозные песни. С. Андрес обратился к ним с краткой речью, где говорил о том, как он понимает роль священника среди населения: он должен быть всем примером в своем поведении, морали, воодушевленном служении богу, и не должен забывать, что «не хлебом единым жив человек».

22 сентября. Посещение исторического музея, музея истории армянского театра и картинной галереи. С. Андресу понравились старинные портреты, а из современных художников только Сарьян. Затем мы посетили несколько окрестных церквей и колхозный клуб в селе Аштарак. По пути заехали на поле, где ночью дежурили колхозники. Везде нас встречали очень радушно, и С. Андрес говорил, что простой народ Армении ему очень близок и дорог.

23 сентября. Поездка в Гар[н]и – древнюю крепость и языческий храм, Гегар[д] – монастырь и церковь в горах¹². С. Андрес восхищался архитектурой древних армянских храмов и расспрашивал монахов о жизни еремитов.

Затем посетили озеро Севан и две церкви на полуострове.

24 сентября. Поездка в дер. Ашнак, беседы с колхозниками, обед, народные танцы. На обеде произносились тосты за советскую власть, дав-

шую колхозникам новую жизнь, против войны и национального угнетения. Колхозники рассказывали С. Андресу об ужасах турецко-армянской резни¹³, о возвращении армян из разных стран на родину, пели народные песни, рассказывали народные басни. С. Андрес был глубоко тронут и обещал писать об Армении, ее трагической истории в прошлом и счастливой жизни в настоящем.

25 сентября. В полете. Прилет в Москву.

26 сентября. Посещение Коломенской церкви, где С. Андрес снова высказал свое удовлетворение положением религии в России и религиозным чувством русских. Вечером супруги Андрес посетили своего друга, посланника ФРГ г-на Больца.

27 сентября. Отлет в Киев. В Киеве осмотр с писателем Бедзиком¹⁴ и его супругой города и Софийского собора, церковью Лавры и музея. Варварское разрушение фашистами главного храма Лавры возмутило С. Андреса, и он заявил, что расследует это дело и напишет об этом.

Гостиница «Интурист» С. Андресу не понравилась. Было много беспорядков – грязь, не закрывающиеся окна, не вовремя подавали кушать, недостаточно предупредительно разговаривали.

28 сентября. Посещение пещер Лавры¹⁵, затем завтрак у Корнейчука. С. Андрес снова говорил, что считает коммунизм правильным для России, что, если бы он родился в России, он сам был бы коммунистом, но для Запада коммунизм не подходит, им нравятся их система, и он просит не навязывать коммунизма Западу, считая, что только при этом условии возможны дружеские связи между этими двумя системами. Тов. Корнейчук отвечал, что Советский Союз никому не навязывает своей системы, и рассказывал С. Андресу о Гражданской войне и переживаниях народов Советского Союза в борьбе за победу. С. Андрес в резкой форме говорил о нарушениях законности во времена Сталина, и тов. Корнейчук с большим жаром объяснял поступки Сталина его многолетней борьбой против внешних и внутренних врагов, всей историей нашего государства и тем, что враги держали Сталина в напряжении и использовали это его состояние.

Тов. В. Василевская, супруга Корнейчука, приводила примеры сознательности нашего народа при его помощи Польше. С. Андресу очень понравились т. Корнейчук и В. Василевская, их искренняя, горячая вера в коммунизм. Он говорил после: «Пусть я разделяю не все их взгляды, но эту их веру нужно уважать, как всякую веру».

Затем был прием в СП Украины, где присутствовали: т.т. Дмитерко, Смолич, Бедзи[к], Петровский, Козаченко, Затонский и Корица¹⁶. На приеме С. Андрес снова говорил о том, что он против навязывания коммунизма

Западу, считая, что он пригоден только для Советского Союза. Писатели возражали, говоря, что не навязывают коммунизма, а он сам доказал свое превосходство запуском спутников и ракет. Затем были произнесены речи о мире и дружбе между писателями разных стран, о необходимости литературных связей и возможностях, выросших в последнее время в связи с политическими событиями и поездками товарища Хрущева¹⁷.

С. Андрес неоднократно подчеркивал, что Аденауэр и правительство Западной Германии не желают войны, и что только определенные круги и группки промышленников стараются навязать войну Германии.

29 сентября. Приезд в Москву. У С. Андреса – гости из ФРГ.

30 сентября. Посещение музея и церкви села Коломенского, что произвело на С. Андреса большое впечатление, особенно работы русских мастеров. Вечером посетили Кремлевский театр – ансамбль армянского народного танца, очень понравившийся С. Андресу.

1 октября. Осмотр дворцовых зал[ов] Кремля – экскурсия организована посольством ФРГ, вел г-н Казак из посольства¹⁸.

На обед был приглашен писатель Лидин¹⁹, очень понравился С. Андресу. Затем была встреча в СП с критиками и переводчиками. С. Андрес, отвечая на вопросы, заявил, что Ремарк на Западе не считается крупным писателем²⁰. Он говорил, что там иной подход к творчеству, чем у нас. Основным критерием считается «магия слова», умение привести читателя в определенное состояние. Про И. Бехера С. Андрес говорил, что сонеты его прекрасны, потом он стал писать хуже, и последние его стихи с рефреном «партия всегда права» стоят вне литературы и стихами называться не имеют права²¹. Затем он говорил о том, что на Западе запретить книгу очень сложно, и в основном запрещают книги, разлагающе действующие на мораль, но и это бывает редко. Причем большую роль играет мнение общественности, [которое] влияет на запрещение или снятие запрещения. Далее С. Андрес сказал, что уже меньше стало безнравственных комиксов, портивших молодежь.

Многие книги запрещено продавать молодежи, продают только взрослым. Писать можно все, что угодно, но не всегда легко найти издателя или театр для постановки, т.к. они часто руководствуются соображениями карьеры и рынка, конъюнктуры. Многие не ставят вещей критического содержания, не желая вставать в оппозицию к правительству. Но никто им этого официально не запрещает. (Эти мысли С. Андрес выражал неоднократно и прежде и в беседе с тов. Боевым, корреспондентом «Советской женщины» и в других беседах.) С. Андрес рекомендовал некоторые свои произведения для перевода на русский язык.

Вечером – отъезд в Польшу и Германию. Провожали из Посольства Казак и супруга Больца, из СП СССР – т. Стеженский В.И.²², преподнесший С. Андресу подарки.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3164. Рус. маш. коп.

¹ «Дело о разводе» – спектакль Государственного Центрального театра кукол. Автор пьесы и постановщик – Е.В. Сперанский (1903–1999), актер, драматург, один из основателей театра. Премьера состоялась 28 декабря 1954 г.

² «Эсмеральда» – балет в 3 действиях, 5 картинах Цезаря Пуни на либретто Жюля Перро (первая постановка 1844 г.). Премьера в Московском музыкальном театре имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко состоялась 14 октября 1950 г.

³ Владимир Дмитриевич Савицкий (1922–2009) – писатель, переводчик, критик; закончил филологический факультет ЛГУ (1950) и аспирантуру (1954), защитил кандидатскую диссертацию (1956). С 1957 г. – литературный консультант Ленинградского отделения Союза писателей.

⁴ Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977) – поэт, переводчик. Родился в Царском Селе; его отец А.В. Рождественский (1850–1913) – протоиерей, преподаватель Закона Божия в Царскосельском лицее (1878–1907), где начинал учиться Всеволод Рождественский. В 1907 г. семья переехала в Санкт-Петербург, где В.А. Рождественский закончил Первую классическую гимназию и в 1914 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Воевал в чине прапорщика инженерных войск в Первой мировой войне (1915–1917), затем присоединился к Красной Армии, откуда демобилизовался в 1924 г. Закончил университет в 1926 г. В 1918 г. М. Горький пригласил его работать в издательство «Всемирная литература», где он занимался переводом западноевропейской литературы и редактированием. Продолжал занятия переводом (в первую очередь французской поэзии) до конца жизни. Входил в круг младших акмеистов. В 1920 г. принят в третий «Цех поэтов», влиянием акмеизма отмечены его сборники «Лето» и «Золотое веретено» (1921). Был секретарем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов (1920–1924). С конца 1920-х посещал с литературными бригадами главные стройки первых пятилеток. Участник Великой Отечественной войны, военный корреспондент газет «Ленинградская правда», «На защиту Ленинграда». Участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

⁵ Постановка в 1959 г. на сцене Ленинградского Малого оперного театра (МАЛЕГОТа) цикла из трех одноактных балетов по произведениям П.И. Чайковского: («Баллада о любви», «Эрос» и «Франческа да Римини») продолжала созданную в начале XX в. традицию обращения хореографов (А.А. Горского, М.М. Фокина, А. Дункан) к небалетной музыке, что способствовало развитию балетного искусства, симфонизации танца. Одноактные балеты на музыку Чайковского были поставлены двумя хореографами – Ф.В. Лопуховым (1886–1973) и его учеником К.Ф. Боярским (1915–1974). Постановка стала одной из самых масштабных и дорогих в театре.

В 16 картинах спектакля было задействовано более 200 танцоров. Спектакль шел в МАЛЕГОТе до 1962 г.

⁶ Спектакль «Прелестная Галатея» по пьесе Бельи Гадора и Силарда Дарваша (1958) в постановке главного режиссера Ленинградского Большого театра кукол М.М. Королева выдержал более тысячи представлений.

⁷ «Советская женщина» – общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал Комитета советских женщин (осн. 1945), издававшийся при поддержке ВЦСПС. Журнал выпускался в издательстве ЦК КПСС «Правда» и распространялся не только в СССР, но и за рубежом. Вначале выходил раз в 2 месяца (1945–1954), затем ежемесячно. Издавался на русском, английском, немецком, французском (с 1945 г.), испанском, китайском (с 1950 г.), а с 1955 г. еще на нескольких языках.

⁸ Рафаэль Геворкович Арамян (1921–1978) – армянский писатель, прозаик, автор ряда сборников рассказов («Неоседланные лошади», «На подступах к сердцу»). Незадолго до приезда С. Андреса вышла его первая книга – роман «Братья Рубиняны» (1954).

⁹ Матенадаран (в переводе с армянского – «хранилище рукописей») – расположенный в Ереване государственный научно-исследовательский центр и музей, одно из крупнейших мировых хранилищ восточных рукописей. Институт Матенадаран был создан на базе национализированной в 1920 г. коллекции рукописей Эчмиадзинского монастыря (начало создания монастырской коллекции датируется рубежом IV–V вв.). В 1939 г. коллекция была перевезена из Эчмиадзина в Ереван. Современное здание Матенадарана было построено в 1959 г. (архитектор М. Григорян). Г.В. Абгарян, автор ряда трудов и статей о древних рукописных памятниках, занимался, в том числе, историей книгохранилища (*Абгарян Г.В.* Матенадаран. Ереван: Гос. изд-во Армении, 1962; книга подготовлена в НИИ древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР).

¹⁰ Звартноц (в переводе с древнеармянского «Храм бдящих ангелов») – храм раннесредневековой армянской архитектуры (середины VII в.), расположенный возле Еревана и Эчмиадзина. Эчмиадзин (Вагаршапат) – город в Араратской долине, один из самых крупных культурных и религиозных центров Армении, исторический центр Армянской Апостольской Церкви. В городе находятся Эчмиадзинский монастырь с резиденцией католикоса, расположенный на территории монастыря Эчмиадзинский кафедральный собор, построенный в IV веке, богословские учебные заведения.

¹¹ Верховный Патриарх и Католикос всех армян Вазген I (в миру Левон Абрамович Палчян, 1908–1994) – первоиерарх Армянской Апостольской Церкви (1955–1994). Крупный религиозный и общественный деятель; за несколько дней до смерти был награжден высшим почетным званием Республики Армении – Национальный Герой Армении.

¹² Историко-архитектурный комплекс Гарни находится рядом с одноименным поселком примерно в 30 км к юго-востоку от Еревана в долине реки Азат. Храм Гарни – единственный сохранившийся на территории Армении памятник эпохи язычества и эллинизма, построен в I в. н.э. армянским царем Трдатом I. Был разрушен в результате землетрясения 1679 г. и восстановлен из руин в советское время. Крепость

Гарни начали строить во II в. до н.э. и продолжали достраивать в средневековье. Армянские цари сделали ее неприступной цитаделью, которая защищала жителей от иноземных нашествий более тысячи лет.

Гегард (более полное название – Гегардаванк, в переводе с армянского «монастырь копья») – основанный в IV в. монастырский комплекс, уникальное архитектурное сооружение в Котайкской области Армении (часть храмов монастырского комплекса выдолблены внутри скал). Расположен в ущелье горной реки Гохт, примерно в 40 км от Еревана. Название монастыря происходит от копья сотника Лонгина, которым был пронзен Иисус Христос на Кресте. Святыню привез в Армению апостол Фаддей; сейчас копье находится в музее Эчмиадзина.

¹³ Имеется в виду физическое уничтожение христианского этнического армянского населения Османской империи (весна 1915 – осень 1916). В Османской империи проживало около 1,5 млн. армян. Во время истребления армян погибло по меньшей мере 664 тыс. человек.

¹⁴ С. Андрес встречался с одним из представителей известной украинской писательской династии. Это мог быть либо Дмитрий Иванович Бедзик (1898–1982) – прозаик, драматург, журналист, выходец из бедной крестьянской семьи, выпускник филологического факультета Харьковского университета (1926), либо его сын Юрий Дмитриевич Бедзик (1925–2008) – писатель, публицист, участник Великой Отечественной войны, выпускник дипломатического факультета Киевского университета (1949). После университета и аспирантуры Ю.Д. Бедзик стал преподавателем Киевского университета, членом Союза писателей СССР, секретарем Киевского союза писателей УССР. Публиковаться начал с 1954 г.

¹⁵ Киево-Печерская Лавра с комплексом подземных пещер, где покоятся мощи печерских подвижников.

¹⁶ Любомир Дмитриевич Дмитерко (1911–1985) – советский украинский писатель, прозаик, поэт и сценарист, драматург. Пришел в литературу в 1928 г. Участник Великой Отечественной войны, награжден тремя орденами. Автор ряда пьес о войне – «Фронт», «Хрещатый яр» («Генерал Ватугин»).

Юрий Корнеевич (Корнильевич) Смолич (1900–1976) – украинский советский писатель, журналист, театральный критик, публицист. Брат белоэмигранта, историка Русской церкви Игоря Смолича. Начал печататься в 1924 г. Творчество Ю.К. Смолича обширно и разнообразно (социальные, бытовые, фантастические, сатирические романы, повести и рассказы, пьесы, которые часто ставились в украинских и московских театрах). Во время войны находился в эвакуации. После войны сделал большую литературную и партийно-номенклатурную карьеру: член правления Союза писателей СССР (1942), заместитель председателя ССП (1944), председатель Союза писателей УССР (1971–1973), секретарь правления Союза писателей СССР (1971). Был депутатом Верховного Совета УССР, кандидатом в члены ЦК КПУ.

Василий Павлович Козаченко (1913–1995) – украинский прозаик. В 1938 г. окончил филологический факультет Киевского университета, работал в редакции журнала «Советская литература» (1939–1941). Участник партизанского движения и подполья в годы войны. С 1959 г. – сначала ответственный секретарь, затем первый заместитель председателя Союза писателей УССР. В 1957 г. в составе украинской

правительственной делегации принимал участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Был депутатом Верховного Совета УССР.

Дмитрий Владимирович Затонский (1922–2009) – советский и украинский литературовед и литературный критик. Окончил филологический факультет Киевского университета, работал научным сотрудником в Институте литературы им. Т. Шевченко АН УССР, где основал отдел зарубежной литературы, которым заведовал с 1962 по 1974 г.; затем стал директором Института.

¹⁷ Как раз во время пребывания С. Андреса в СССР состоялся первый визит Н.С. Хрущева в США (15–27 сентября 1959 г.) – через два месяца после приезда в СССР вице-президента США Ричарда Никсона.

¹⁸ Вольфганг Казак (Wolfgang Kasack, 1927–2003) – немецкий славист, литературовед, переводчик. Сын известного писателя Германа Казака. 17-летним был мобилизован, попал на фронт, оказался в советском лагере для военнопленных, где познакомился с русским языком и культурой. В 1951 г. окончил Гейдельбергский университет, изучал славистику в Геттингенском университете (1951–1953), где получил степень доктора наук. Работал переводчиком в посольстве ФРГ в Москве (1956–1960). В 1969 г. стал заведующим кафедрой славянской филологии и директором Института славистики Кельнского университета. Казак переводил на немецкий язык Каверина, Паустовского, Розова, Солженицына, Тендрякова и ряд др. авторов. Создатель монументального труда «Энциклопедический словарь русской литературы XX века» (Lexikon der russischen Literatur ab 1917, 1976; рус. пер.: Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура, 1996. 491с.).

¹⁹ Владимир Германович Лидин (наст. фамилия Гомберг, 1894–1979) – русский советский писатель, библиофил. Родился в московской купеческой семье, учился в Лазаревском институте восточных языков, окончил юридический факультет Московского университета (1915). Начал публиковать рассказы в студенческие годы. Во время гражданской войны воевал в Красной армии. В 1920-е совершил несколько поездок по Западной Европе и Ближнему Востоку. Не принадлежал ни к какой из литературных группировок. Был хорошо знаком со многими писателями, далекими от советского литературного истеблишмента, о которых рассказывал в мемуарах «Люди и встречи» (первое изд. 1957). Более 30-ти лет преподавал в московском Литературном институте.

²⁰ Как известно, в СССР в 1950–1960-е возник настоящий культ Ремарка.

²¹ После Второй мировой войны Иоганнес Роберт Бехер (1891–1958) выпустил сборники «Das Sonett» (1945), «Wiedergeburt. Buch der Sonette» (1947). Вернувшись из эмиграции в СССР в ГДР, Бехер был избран в Исполком и ЦК СЕПГ, был министром культуры ГДР (1954–1958). В годы хрущевской «оттепели» Бехер постепенно отходит от политической и общественной деятельности, начинает пересматривать свои взгляды и утрачивает веру в идеалы социализма. Эта смена ценностей заметна в его книге «Поэтический принцип» (Das poetische Prinzip. Berlin: Aufbau-Verlag, 1957). В книгу включена работа Бехера «Философия сонета» («Philosophie des Sonetts, oder Kleine Sonettlehre»).

²² Владимир Иванович Стеженский (1921–2000) – переводчик, литературовед (специалист по немецкой литературе), литературный критик. Когда началась война,

В.И. Стеженский учился в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). Окончив курсы военного перевода, он ушел на фронт. Опыт военных лет запечатлен в его книге «Солдатский дневник. Военные страницы» (М.: Аграф, 2005). После войны был сотрудником Иностранной комиссии Союза советских писателей. В.И. Стеженский – переводчик, автор предисловий, редактор, составитель ряда изданий немецких писателей, в т.ч. Г. Манна, У. Бодо, В. Кёппена. На момент визита С. Андреса вышли или готовились к изданию книги в Издательстве иностранной литературы: *Манн Г.* Публицистика / Сост. В. Стеженский (1951); *Поднимаясь к новой жизни. Современная немецкая поэзия (1945–1953)* / Сост. Л. Гинзбург, ред. Е. Долматовский, В. Стеженский, биогр. указатель В. Стеженского (1954); *Бехер И.Р.* В защиту поэзии / Сост. Е. Кацева, В. Стеженский (1959); *Немецкая поэзия. 1954–1959* / Ред. Е. Долматовский, В. Стеженский (1960).

Дата поступления в редакцию: 27.06.2023

Received: 27.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023